

Культура. - 1998.
25 июня - 1 июля - с. 5

Для творчества объяснения не нужны

Обозреватель радио "Эхо Москвы" Ксения Ларина — лауреат премии "Театрал" как лучший журналист, освещающий проблемы театра

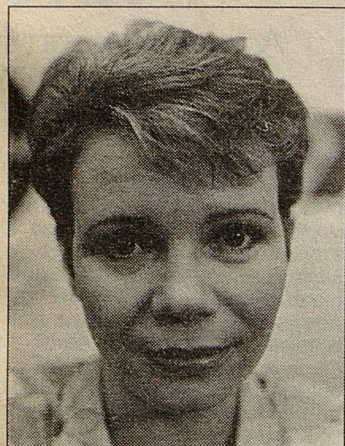

Фото И. ЮРОВА

Итак, имеется в наличии: премия "Театрал", среди учредителей которой — СТД и Союз журналистов России. Жюри у этой премии нет — наиболее отличившиеся на ниве освещения театральных событий средства массовой информации и их отдельные представители выбираются путем анкетирования среди нескольких сотен известных людей. Также есть радиостанция "Эхо Москвы", главный редактор которой Алексей Венедиктов "прыгает от радости", что его детище в кои-то веки отмечено не за освещение политических событий, а за интерес к такой тонкой материи, как театр. И наконец, "виновница торжества" — Ксения Ларина — журналист самого "московского" радио, 23 июня в Большом зале Центрального театра Российской Армии получившая свою "театральную" статуэтку.

— Это первая премия в моей жизни, не считая школьных грамот. Очень приятно. На "Эхе Москвы" я веду еще ежевечернюю программу — "Гостиная Ксении Лариной", куда приглашаю людей из любой сферы нашей жизни — политиков, музыкантов, режиссеров, бизнесменов. "Гостиную" я очень люблю, это прямой эфир, который я просто обожаю. Здесь видны все достоинства и

недостатки мои и собеседника. Вот и моя программа "Третий лишний" на REN-TV — та же гостиная, но "подсмотренная" камерой. Но "4 минуты о театре" — авторская рубрика, интимный жанр. Это всегда действительно ровно четыре минуты, я уже научилась чувствовать время. Эту программу я записываю и каждый раз волнуюсь, всегда очень много эмоций. Очень дорожу ею. Только вот жалко,

что сейчас радиожурналистика находится в положении падчерицы по отношению к журналистике газетной.

— Какими критериями отбора материала вы пользуетесь? Может ли в программе присутствовать кто-нибудь, даже антипатичный вам?

— В рубрике "4 минуты с театром" я говорю о том, что меня тронуло, возмутило или, наоборот,

привело в восторг. А если речь идет о приглашении в прямой эфир гостя, то я никогда не позволю автору спектакля, который мне неприятен. Мне не о чем с ним говорить. В театре критериев нет. Можно сколько угодно рассуждать о законах жанра, о традициях, об истории. Но если в меня это "не попадает", то причины уже не важны. Прелесть творчества и состоит в том, что объяснения бессмысленны.

— Наверное, в 4 минуты сложно вместить все, что хотелось бы. Есть какие-то приоритеты при подготовке программы?

— Никаких. Как пошло, так и пошло. Я чувствую — хочу сказать про это. Иногда даже ловлю себя на мысли, что, может быть, бедный слушатель не поймет, каково содержание спектакля, хорошо или плохо играют артисты, красивые ли декорации. "4 минуты" — это субъективный взгляд зрителя, и это, может быть, не только рассказ о спектакле, но и портрет актера, театра.

— В чем специфика радиорецензии?

— Наверное, в моем собствен-

ном отношении, моем интересе, эмоциях. Я не профессиональный критик, не театровед и оцениваю театральную работу на эмоциональном уровне — "попадает" в меня или нет. Когда "попадает", начинаю анализировать, почему. Из этого рождается то, что можно назвать эссе. Может быть, я что-то придумываю про спектакль, а в нем этого нет на самом деле, но мне нравится состояние, когда я сама для себя нахожу причины, почему мне это понравилось.

— Сейчас часто говорят, что журналист, пишущий или говорящий о театре, подходит к теме поверхностно. На ваш взгляд, эта проблема существует?

— Безусловно. Как, скажем, проблема своего рода корпоративности. Журналист так или иначе обрastaет связями, антипатиями и симпатиями. Поэтому, как ни крути, получается междусобойчик. В этом часто обвиняют журналистов, которые пишут о театре или о живописи, да и о политике. От этого никто не застрахован, к сожалению.

Когда я начинала, то не думала

ни о чем, у меня не было никаких дружеских отношений ни с кем. Сегодня я, конечно, не хвалю то, что мне не нравится, но если речь идет о людях, которые мне дороги, которым я доверяю, то я воспринимаю их неудачи как какую-нибудь ошибку, изъяс, зигзаг — и лучше промолчу.

— Говорят, что нельзя любить театр вообще. Надо любить конкретный театр.

— Я больше разделяю по персоналиям. Очень люблю Валерия Фокина. Все, что он делает, всегда вызывает интерес. Нравится "Эрмитаж", Михаил Левитин. Его гиперпарадоксальные вещи. Они чем-то близки — Левитин и Фокин. Это не в чистом виде андеграунд, а соединение того, что было, каких-то театральных традиций и нового. Костя Райкин, Галина Борисовна Волчек. Табаков. Все, что происходит в его подвале, всегда очень любопытно. Андрей Житинкин — люблю красочное действие, воздействие через эмоции. Губенко мне интересен. Как личность, как режиссер, как артист. Вообще режиссер определяет театр. Это как картина, а в уг-

лу подписать автора. Изображено может быть что угодно, но отвечает за все автор.

— В прошлом вы актриса. Какие пути привели со сцены на радио?

— Случай. Я работала в театре Райкина после того, как окончила ГИТИС. В ту пору Костя еще не устроил репертуарный драматический театр — там были исключительно музыкальные спектакли, танцевальные. Много танцевала и переживала, что мой "красный диплом" теперь нужен только для этого — никогда не умела танцевать. Так я проработала 5 лет, потом попала на "Радио России Ностальжи". Там работал и до сих пор работает мой отец — ди-джей Андрей Баршев. У него я стала делать театральные обзоры. Потом меня услышали с "Эха", пригласили. На "Эхо Москвы" я пришла буквально через полгода после его основания. Я выбрала радио, потому что здесь я чувствую, что не предала свою первую профессию. Я чувствую себя артисткой.

Беседу вела
Ольга НЕВЕДРОВА